

In memoriam Франтишек Каутман

19 июня 2016 года в возрасте 89 лет скончался доктор философии Франтишек Каутман, кандидат филологических наук. К его восемьдесят пятому дню рождения Национальная библиотека Чешской Республики провела специальный семинар с последующей публикацией материалов в честь юбиляра «*Na trnitých cestách života a tvorbu*» («На тернистых путях жизни и творчества»); это издание Ф. Каутман – несмотря на большие сложности с изданием – всё-таки увидел (вышло в 2015). Для «*Slavica litteraria*» мы выбрали кое-что из того, что характеризует Каутмана как литературоведа и ученого¹.

Ф. Каутман, известный и в среде русистов специалист по Достоевскому с международным именем, – журналист, редактор издательств и журналов, литературовед, критик, переводчик, поэт и прозаик, деятель культуры, подписант Хартии 77, член Общества Ф.Кс. Шальды, сооснователь и секретарь Клуба освобожденного самиздата. Родился 8 января 1927 г. в городе Ческе Будейовице. Главная тема его рассуждений – экзистенциальные проблемы человека в тисках истории, одиночество и тревога. Он обращается к ним как в научных работах, так и в литературном творчестве. Когда я писал статью о нём для второго тома словаря², я спросил его о еврействе. Сам он, по его собственным словам, не еврейского происхождения, однако еврейская тематика приглушенно отражается в его произведениях, но не в религиозном или этническом аспектах, а, скорее, как соприкосновение с более об-

¹ Библиографию Франтишка Каутмана можно найти в сборнике «*Na trnitých cestách života a tvorbu. Sborník příspěvků ze symposia pořádaného u příležitosti životního jubilea Františka Kautmana*» (Praha. 25. ledna 2012. Národní knihovna České republiky). Ее собрали Милуша Бубеникова и Радка Гржибкова (Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, Praha 2015) и опубликовали под названием «*Bibliografie prací Františka Kautmana (1949–2013)*», «*Bibliografie prací o Františku Kautmanovi a jeho dílech (1950–2013)*», а также «*Ediční poznámka k bibliografii prací Františka Kautmana*», написанную составительницей библиографии Милушей Бубениковой. Кажется, в библиографии Ф. Каутмана и в перечне работ, посвященных ему, есть пробелы, причем не только те, о которых пишет составительница, работу которой следует очень высоко оценить; упомянуты мои многочисленные работы о Ф. Каутмане за исключением двух моих заграничных публикаций: «*Osobnost Františka Kautmana a jeho Román pro tebe*» (*Slavica Occidentalis*. Tom 589. Poznaň 2002. S. 145–154; Рождение средневропейской поэтики (Ф. Каутман – О. Филип – Й. Зогата – М. Вивег) (Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики / Под ред. Т.Е. Автухович; Университет имени Янки Купалы. Ч. 1. Гродно, 2005. С. 79–91.

² Статья: *Kautman František (8.1.1927 v Českých Budějovicích)*, heslo in: *Mikulášek A., Švábová J., Schulz A.B. a kol. Literatura s hvězdou Davidovou 2. Slovníková příručka k dějinám česko-židovských a česko-židovsko-německých literárních vztahů 19. a 20. století*. Praha. VOTOBIA, 2002. S. 42–48.

щими темами. Еврейство как гетто или несколько гетто (этническое, религиозное, чешско-немецкое) – это эмблема общечеловеческого одиночества и вытекающей из этого тревоги¹.

Он родился в учительской семье, его отец был страстным читателем, владельцем богатой библиотеки, мать Станислава (1902–1982) закончила музыкальную школу (фортепьяно, пение), писала в газеты, издала пять романов, пять книг для детей и три пьесы для кукольного театра. Сестра Станислава, в замужестве Долинова (1924–1981), также была журналисткой и писательницей. Он учился в школе (1932–1937) в Тргове Свины и Ческе Будейовице, реальную гимназию закончил в Ческе Будейовице (экзамен на аттестат зрелости – в 1945), Высшую политическую и социальную школу в Праге закончил вторым государственным экзаменом. В 1949–1952 был шефом-редактором издательства «Чехословацкий писатель», потом учился в Литературном институте Максима Горького в Москве и там же учился в аспирантуре (1952–1957), которую закончил, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Развитие социалистического реализма в поэзии Станислава К. Неймана» (научное звание кандидат наук он получил в 1957 г.).

На основе этой диссертации в 1968 г. на философском факультете Карлова университета ему была присуждена степень доктора философии. После возвращения в Чехословакию (1957) он два года вел литературную рубрику журнала «Культура», позже работал специалистом по документации в Энциклопедическом институте Чехословацкой Академии наук (1959–1961), потом был научным сотрудником Института чешской литературы Чехословацкой Академии наук (1961–1971). После увольнения с работы по политическим причинам два года оставался безработным, позже недолго был продавцом в магазине «Антиквариат-Драгоценности» (1973–1974). В 1974 г. вышел на пенсию по инвалидности. В годы так называемой «нормализации» принимал участие в организации и издательстве чешского самиздата. Вместе с Яном Владиславом стал основателем самиздатовского журнала «Kritický sborník» («Критический сборник», 1981–1989). Его исследования выходили в разных самиздатовских изданиях (Listy, Svědectví, Obrys, Proměny). В 1977 г. стал одним из первых подписантов Хартии 77. Был членом редакционного совета «Spisy T.G. Masaryka» и «Masarykův sborník». После революции 1989 г. посвятил себя лекционной деятельности, научной и литературной работе, публицистике, издавал свои работы, выходявшие до этого только в самиздате. Публиковался в периодических изданиях «Lidové noviny», «Občanský deník», «Práce», «Prostor», «Lidová demokracie», «Nové knihy», «Kritický sborník», «Labyrint», «Literární noviny», «Listy», «Tvorba», «Česká politika», «Svobodný zítřek», «Svět a divadlo», «Ateliér», «Divadelní noviny», «Nová Přítomnost», «Germanoslavica», Информационный бюллетень ЧАН и др.

Еврейская тематика в работах Каутмана не занимает особого места, скорее, как уже говорилось, выполняет функцию отправной точки для доминирующих экзистенциальных тем. Чрезвычайно интересно и оригинально то, что Каутман органично соединил русскую, еврейскую, чешскую и немецкую тематику. Его первая большая литературоведческая работа – о соцреализме в произведениях С.К. Нейманна, но позднее его интересы сосредоточились на русской литературе, литературной критике и на немецкоязычных произведениях. С 1960-х гг. в творчестве Каутмана наблюдается интерес к общим вопросам человеческого бытия. «Boje o Dostojevského» («Борьба за Достоевского», 1966) – успешная попытка

¹ В данном некрологе использовались тексты наших многочисленных рецензий и статей, на которые мы здесь ссылаемся.

полностью оценить произведения русского гения, ставившего принципиальные вопросы: Достоевским Каутман лечит и свою первоначально одностороннюю идеологическую ориентацию 1940–1950-х гг. С 1960-х гг. Каутман размышляет об отдельных личностях и темах; характерны его триптихи *Достоевский – Кафка – Гостовский* или *Масарик – Шальда – Паточка*. Соединение Достоевского, которого – вероятно, не совсем справедливо – упрекают в антисемитских взглядах, с еврейскими авторами Кафкой и Гостовским (оба ассимилировавшиеся евреи, но не переставали чувствовать губительную силу одиночества и тревоги) относится к обманчивым парадоксам этой проблематики, хотя и очевидно, что оба автора вдохновлялись Достоевским.

Каутман представляет собой тип исследователя, который своим изматывающим трудом создает духовный мост между обманчиво противоположными берегами европейского мышления. Достоевский почувствовал доминату грядущего века – одиночество, тревога, страх. Ориентация Кафки на «больную» русскую литературу, на Гоголя, Сухово-Кобылина, Достоевского и – позднее – «русские» приемы, которые использует Гостовский, – вот типичный круг интересов для Каутмана. Самой знаковой составной частью одиночества, тревоги и смерти является любовь, сексуальный и эротический уровень человеческой жизни – этим тематическим кластерам Каутман уделяет максимальное внимание не только в своих литературоведческих работах, но и в беллетристике. В книге «*Svět Franze Kafky*» («Мир Франца Кафки»), первое официальное издание – TORST, 1990; второе, под названием «*Franz Kafka*», – Rozmluvy, Praha, 1992; третье, под тем же названием, – Academia, 1996; на немецком «*Die Welt Franz Kafkas*» – Academia, 1996) есть отдельная глава «Сексуальная трагедия», некий парафраз известной книги Ж. Калинникова «*Lev Tolstoj – Tragédie sexuální*» (Praha, 1931). И хотя Каутман не придерживается ортодоксально фрейдистской точки зрения, эта глава – вместе с отрывками о власти – относится к лучшим местам книги о Кафке. «Никто не выдержал и не выдержит столько аргументов против произведений Кафки, сколько выдержал сам их автор (поэтому их так легко критиковать). Я не свет. Я просто запутался в своем терновом венке. Я тупик», – сказал Кафка Яноуху. Однако в XX в. всё человечество оказалось в тупике, именно поэтому оно так неожиданно нашло Кафку и узнало себя в нём. Ситуации, описанные Кафкой, распространяются по цепной реакции. С сейсмографической чувствительностью Кафка наметил абсурдные закономерности будущего развития. Сам он, скорее всего, не обрадовался бы тому, что был так точен. Эта «Дьявольская карусель» была бы у нас перед глазами, даже если бы произведения Кафки были бы уничтожены или вообще бы не появились. Благодаря тому, что они есть, мы можем лучше понять сами себя. Чем глубже и безжалостнее будет это понимание, тем ближе мы будем к исходу, который бы мог означать надежду». Этими словами заканчивается книга Каутмана о Кафке.

К Достоевскому автор возвращается в переводе писем (1966) и в книге «*F.M. Dostojevskij – věčný problém člověka*» («Ф.М. Достоевский и вечная проблема человека»; самиздат – 1976, официально – 1992). Каутман не модернизирует Достоевского, но одновременно сознательно создает его связанность с XX в. и особенно с Кафкой и современной экзистенциальной прозой. Важный вклад литературоведа Каутмана – детальный анализ поэтики вышеупомянутых авторов, их *loci communes* (подземный человек, насекомое, фетишизм ноги – у Достоевского; музыка, звук, звонок, ворота, двери, вода и пр. – у Кафки). В монографии об Эгоне Гостовском подчеркивается его еврейское происхождение и трагическое вли-

яние Холокоста на его семью. При этом, как и в случае с Кафкой, он не забывает подчеркнуть, что Гостовского нельзя снабдить никаким идейным ярлыком, он никогда не принадлежал ни к одной политической партии, не был ортодоксальным сторонником какой-либо конфессии. И хотя еврейство в его произведениях отражается как болезненный удар стихийного чешского антисемитизма, замах Гостовского шире: это желание соединять противоположности, находить настоящую жизнь и опровергать идеологические схемы. Поэтому Каутман в своей работе показывает дружбу людей – идейных антагонистов, несоответствие человеческих и идеологических пропорций. В триптихе *Массарик – Шальда – Паточка* (1990), дописанном в начале советской перестройки, Каутман преподносит эту мысль более чем акцентированно: «Идеологическая броня должна быть пробита, идеология должна быть вынесена за рамки основной глобальной проблемы человеческой судьбы <...>. Только невероятное этическое перенапряжение сотен тысяч мыслящих голов и пылающих сердец всего мира, которые преодолевают закостевевшие идеологические шаблоны (деидеологизировать человечество в смысле уничтожения идеологического фанатизма – такая же необходимая гигиеническая процедура, как избавление от вшей) и соединяются для решения проблем человечества в направлении *этика – экология*, могло бы дать человечеству шанс на выживание». Своим первоначально идеологически мотивированным концепциям 1940–1950-х гг. Каутман с 1960-х гг. противопоставляет критическое мышление и скепсис: в начале советской перестройки местами снова возвращается восторг, который эмоционально и патетически противопоставляется идеологии, тогда как ранее ставился с ней в один ряд. Идеологию нельзя изгнать или запретить, она законно сопровождает человека и общество, однако можно ее лишиться власти над человеческими судьбами: опаснее всего поддерживает идеологию именно пафос, эмоции, восторг; и у этики и экологии есть своя идеология...

Как бы то ни было, Каутман всегда открывает интересные стороны в творчестве С.К. Нейманна, представляет свое собственное прочтение Достоевского, Кафки, Гостовского, Массарика, Шальды, Паточки, анализирует принципы экзистенциальной прозы, разыгрывает исповедальный концерт греха и очищения, находит связь с современностью в русской революционно-демократической критике (книга «*K typologii literární kritiky a literární vědy*»; опубл. 1996) и в 1960-е гг. обращается к филологической герменевтике (работа «*Hermeneutika a interpretace*», 1969).

Каутман прежде всего прозаик, но писал он и стихи: сборник «*Opilý satelit*» («Пьяный спутник») был опубликован в 1966 г.; в 1965–1981 гг. вышло самиздатовское издание шести поэтических сборников «*Melodie na jedné struně*» («Мелодия на одной струне», 1981). В нем ярко выражена доминанта, свойственная литературоведческим работам автора, как и прозаическим произведениям его любимых авторов: грех и искупление, самосозерцательные угрызения совести, барьер между поколениями, проблемы коммуникации, одиночество и эротический спазм, напоминающие Кафку и Гостовского, крушение идеалов. Вероятно, наиболее метко эту тематику отражает «*Nádhera rovnováhy*» («Прелесть равновесия», 1969), пожалуй, лучшая прозаическая работа Каутмана и, возможно, шедевр чешской литературы 1960-х гг. В повести «*Já a má dcera*» («Я и моя дочь», 1963) в концентрированной форме выражается необходимость очищения, важность взаимопонимания между поколениями, несмотря на неизбежность трагического исхода.

Жажда опрощения и очищения проявляется и в прозаическом тексте «для отдыха» «*Jak jsme s Jackem hledali svobodu*» («Как мы с Джеком искали свободу»;

napísan v 1981, izdan v 1995), gde poisk osnov cĹelovecĹeskegĹo bytĹia predstavlen na fĹone prirodĹy a budnĹichnosti. Teoretiki romana, navernoe, eĹe vyĹe ocenili «Mrtvé rameno» («MertvĹyĹ ruĹav», 1977; izdan v 1992) a osobenno autobiografĹickĹyĹ «Prolog k románu» («Prolog k románu»; napísan v 1979, izdan v 1992) s elementami metateksta a otzvukĹv rĹusskeĹ literaturĹy XIX v.

TvorcĹstvo evreĹjskĹyĹ autorĹv a cĹuvstvo evreĹjskĹyĹ korunĹy u heroĹv ego prozvedenĹyĹ – eto podspudnye tĹechenĹia, kotorye soĹedĹnjajĹt obĹeĹekzistenĹialĹnye poloĹenĹia u Kautmana: inoĹda eto moĹno a konkretno (v analize tvorcĹstva Kafki, GostovskĹoĹ), inoĹda tolĹko namekom (sobĹstvennĹa proza), inoĹda evreĹjstvo stanovĹitĹa ĹmblemĹy, obĹimĹm simbolom duĹovnĹoĹ getta. KaĹetĹa, budto autor namerenno stavĹt evreĹjskĹyĹ tematiku v kontekst obĹich, obĹedĹnjajĹcich poloĹenĹyĹ, kaĹ budto Ĺchet «ukutatĹ» ee vo mnoĹestve drugĹyĹ sĹylok a boĹovĹyĹ liniĹyĹ, – no ona sama, cĹasto neoĹidanno, proryvĹvĹvatĹ samĹyĹu krepĹkĹyĹ slovesnĹyĹ tkáň. V etom svoem napĹaĹenĹyĹ a filozofĹsko-psĹichologĹickĹem kolebanĹyĹ tvorcĹstvo Kautmana, navernoe, jedna iz samĹyĹ interesnĹyĹ a znaĹitelĹnĹyĹ reflexĹyĹ evreĹjskeĹ tematiky v cĹeskeĹ slovesnĹyĹ kulturĹe vtoroĹ poloviny XX v. O Ĺ. KautmanĹe ja pisal dostatoĹno cĹasto, a on vseĹda byl mne blĹzok (sm. daleĹ¹).

Na principĹialĹnye vĹoprosĹy nacionalĹnĹoĹ bytĹia on otveĹtatĹ v knĹize, raĹota nad kotorĹyĹ naĹalasĹ v 70-e ĹĹ. proĹshĹoĹoĹ vĹeka, no opublikovana ona byla

¹ Sm. naĹi recenzĹy a raĹoty o Ĺ. KautmanĹe: Metody, pĹĹstupy a typy literáĹnĹyĹ vĹĹdy. FrantiĹek Kautman: K typologii literáĹnĹyĹ kritiky a literáĹnĹyĹ vĹĹdy. Praha, 1996. 189 s.; SPFFBU. XLVI. D 44. 1997. C. 161–164; KulturnĹyĹ zápisník. Literatura a citlivost (Ĺ. Kautman) // UniverzĹitnĹyĹ noviny 2001/12. S. 51–54; Kautman FrantiĹek (8.1.1927 v ĹesĹkĹyĹch BudĹĹovicĹch) // MikuláĹek A., ŹvábĹvá J, Schulz A.B. a kol. Literatura s hvĹzďdou DavidovĹy. Slovníková pĹĹruĹka k děĹinám Ĺesko-ĹidovskĹyĹ a Ĺesko-Ĺidovsko-nĹmeĹckĹyĹ literáĹnĹyĹch vztahĹ 19. a 20. stoletĹ. Praha: VOTOBIA, 2002. S. 42–48; Detail jako emblĹm doby. FrantiĹek Kautman: O literatĹre a jejĹch tvĹrcĹch. Studie, úvahy a stati z let 1977–1989. Praha: TORST, 1999. 294 s.; Slovak Review. A Review of World Literature Research. Vol. XI/2002. No 2. S. 174–178; Osobnost FrantiĹka Kautmana a jeho *Román pro tebe* // Slavica Occidentalis. Tom 589. Poznań, 2002. S. 145–154; Źivá bible (FrantiĹek Kautman: O smyslu obĹĹti. BiblickĹe reflexe. Redakce: Jan Majcher a VladimĹr Novotný. CHERM, Praha 2003) // Slavica Litteraria. 2004. X 7. S. 138–139; Odná sredneĹevropejskĹa sud’ba (FrantiĹek Kautman kak literaturoved i belletrist) // Comparative Cultural Studies in Central Europe / Eds.: Ivo PospĹíĹil (Brno), Michael Moser (Wien). Ústav slavistiky FilozofĹckĹe fakulty MasarykovĹy univerzity v BrnĹ. Brno, 2004. S. 175–191; Źivá bible (FrantiĹek Kautman: O smyslu obĹĹti. BiblickĹe reflexe) / Redakce: Jan Majcher a VladimĹr Novotný. Praha: CHERM, 2003; KAM-pĹĹloha, 2004. Ĺ. 6. S. VIII–IX; ProkletĹí a krása DostoĹevskĹeĹoĹ (Ĺ. Kautman: DostoĹevskĹyĹ – věĹnĹyĹ problém ĹlovĹka. Praha: Academia, 2004) // KAM-pĹĹloha. 2005. Ĺ. 5. S. 9–10. Franz Kafka a Julie Wohryzková: neznámĹyĹ dopis. FrantiĹek Kautman: Kafka a Julie (Památník národnĹho písemnictvĹ. Praha, 2008. 21 s.): www.phil.muni.cz/journals/proudy/PROUDY_PHILOLOGIE.htm; Dílo FrantiĹka Kautmana jako metodologĹckĹe pĹemostĹní // Lorencová I., Novotný M. (Eds). VĹĹda a technika v Ĺeskoslovensku v 60. letech 20. stoletĹ. PráĹe z techniky a pĹĹrodnĹyĹch vĹĹd. Sv. 25 / NárodnĹyĹ technĹckĹe muzeum. Praha, 2011. S. 341–347; FrantiĹek Kautman: Alternativy. FrantiĹek Kautman: Alternativy. Praha: Fra, 2014 // Proudy 2014. 2: www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2014/2/pospisil_kautman_alternativy.php#article; Begin Plynutí a ukotvenĹí v díle FrantiĹka Kautmana // Na trnitĹyĹch cestáĹch Źivota a tvorby. Sborník pĹĹspěvkĹ ze sympozia pořádanĹho u pĹĹĹležitosti ŹivotnĹho jubilea FrantiĹka Kautmana. (Praha, 25. ledna 2012, NárodnĹyĹ knihovna ĹeskeĹ republiky) / Sestavily MiluĹa BubenĹková a Radka HĹĹbková; NárodnĹyĹ knihovna ĹR – Slovanská knihovna. Praha, 2015. S. 15–34; Na trnitĹyĹch cestáĹch Źivota a tvorby. Sborník pĹĹspěvkĹ ze sympozia pořádanĹho u pĹĹĹležitosti ŹivotnĹho jubilea FrantiĹka Kautmana (Praha, 25. ledna 2012, NárodnĹyĹ knihovna ĹeskeĹ republiky). Na trnitĹyĹch cestáĹch Źivota a tvorby. Sborník pĹĹspěvkĹ ze sympozia pořádanĹho u pĹĹĹležitosti ŹivotnĹho jubilea FrantiĹka Kautmana (Praha, 25. ledna 2012, NárodnĹyĹ knihovna ĹeskeĹ republiky) / Sestavily MiluĹa BubenĹková a Radka HĹĹbková. Praha, 2015. Proudy 2015: www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2015/1/pospisil_na_trnitých_cestách_života_a_tvorby.php#articleBegin; O ĹesĹkou národnĹyĹ identitu. FrantiĹek Kautman: O ĹesĹkou národnĹyĹ identitu. Praha: Pulchra, edice Testis, 2015; Proudy 2015: www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2015/1/pospisil_o_českou_narodni_identitu.php#articleBegin.

недавно – «O českou národní identitu»¹. Его повествование по сути хронологично, каузально связано, и интереснее всего то, что оно появилось в 1970-е гг., когда у автора не было возможности публиковаться (вплоть до 1989 г.), – тогда он участвовал в издании чешского самиздата, стал членом международного общества Dostoevsky Society. Творчество Каутмана обширно и содержательно – и это с течением времени проявляется всё сильнее. Франтишек Каутман прежде всего человек, выступающий не только в двух ипостасях, т. е. как художник, поэт, прозаик и эссеист, поэт в широком смысле немецкого «Dichter» и как литературный критик, историк, теоретик, – обе ипостаси он может естественно связывать, не соединяя их непосредственно, а подчеркивая их особость. Кроме восхищения рускостью и Россией, Каутман – житель Центральной Европы. В книге «Střední Evropa a Slované» (2006) я отнес его к центральноевропейцам сознательно: по языку, культуре, ментальности он относится к этому ареалу, – наверное, исключая венгров; его Центральная Европа прежде всего явление немецко-славянско-еврейское, и так мы понимаем Франтишека Каутмана. Одновременно с этим правдиво утверждение, что Центральная Европа, границы которой столько раз передвигались и «предавались», не закрыта, а открыта не только Западу, но и Востоку, т. е. прежде всего России. Причем, как ни странно, я имею в виду не только геополитические факторы: хотя русские на этой территории впервые оказались не в 1945 и не в 1968 г., речь прежде всего идет о явлениях культурного характера (в том числе и армия, причем в разных значениях), продолжающихся от Йозефа Добровского и его несколько таинственного пребывания в Москве.

И хотя книга Каутмана была написана почти 40 лет тому назад, автор не мог хотя бы в заключение не сказать о современной ситуации: «Очевидно, что наша постноябрьская демократия работает так, как будто хотела бы убедить мир, что мы не умеем управлять собой <...>. И хотя у нас нет ярких политических личностей, мы живем в иллюзии, что руководящая должность сделает их такими. Так всегда формировались авторитарные режимы <...>. Наше постноябрьское развитие показало, что в этом отношении мы над собой особо не поработали»². Книга Каутмана могла бы стать учебником чешского политического мышления, чешской истории и чешской практической политики, если бы нашла своих читателей, которые были бы на ее уровне, – а таких чем дальше, тем меньше.

Я познакомился с доктором Каутманом только в 1990-х гг., и со временем мы сблизились, хотя между нашими поколениями большое расстояние, у нас разный жизненный опыт, мнения и политическая позиция тоже не идентичны, как и жизненные пути, но общим для нас был критический взгляд на человеческую и общественную сегодняшнюю реальность, и мы разделяли опасения и о судьбах нашего мира, о человеческой культуре в общем и чешской в частности. Естественно, что нашлись бы и другие связующие звенья: литература, особенно чешская, русская и немецкая, литературоведение и критика. Я ценил и критические взгляды Каутмана относительно моих работ³. Время от времени мы встречались с ним в Праге в кафе «Славия», туда доктору Каутману было удобнее добираться – доехать до Брно ему уже было сложно⁴. Наши беседы касались его сборника

¹ *Kautman František. O českou národní identitu. Praha. Pulchra, edice Testis, 2015.*

² *Kautman František. O českou národní identitu. S. 605.*

³ *Kautman František. Genologické a metodologické úvahy (Poznámky ke knize I. Pospíšila Genologie a proměny literatury, Brno 1998) // Opera Slavica. 2000. Roč. X. Č. 1. S. 10–21.*

⁴ За последние десятилетия я завязал подобные неформальные немеркантильные отношения с рядом старших коллег: с проф. Славомиром Волльманом, проф. Зденьком Матаузером, проф. Антонином

личных дневников, вдохновленных Достоевским и другими, – *Vilance / Балансы* (издание которых, надеюсь, все еще планируется, как по крайней мере следует из статьи Яна Шульца в уже упомянутом юбилейном сборнике 2015 г.), но главным образом о современности: мы уже не возвращались к жизненному пути Каутмана, к ошибкам его молодости – кто никогда не ошибался? – к его диссидентству и деятельности в самиздате; об этом, конечно, напишут другие. Для меня остается интересной и его деятельность шефа-редактора «Чехословацкого писателя», его учеба в СССР, его диссертация о С.К. Нейманне на русском языке и ее чешский вариант, его исследования о Кафке и его роль в организации известной Либлицкой конференции и в издании сборника материалов конференции, который я как раз сейчас снова перечитываю, его прозорливые исследования о герменевтике начиная с 1969 г.; и хотя я не согласен с его новейшим тотальным отрицанием идеологии, я понимаю его, я знаю, что его взгляды – результат его жизненного пути; он, по-моему, всегда был глубоким и честным человеком, и это чувствовалось и в жизненных перипетиях, и в радикальных начинаниях, к которым Каутман не единожды критически возвращался. Его сила и его ошибки – органическое следствие его пути и исторического опыта чешского общественного мышления, его ядра и крайностей. Ошибки Каутмана и их позднейшая рефлексия для нас всех, может быть, важнее правды тех, кто был и остается прав всегда, но правда их разная, и во все времена они играли и играют двуединую роль судей и палачей. Остальное покажет будущее, возможно, уже ближайшее.

Франтишек Каутман был похоронен тихо и без обряда кремирован, как он хотел. Его подруга доктор Либуше Бродова, чья судьба и судьба ее семьи тоже заслуживают внимания, сделала траурное извещение, которое послала и мне. Оно начинается цитатой из В.М. Крамериуса: «Ни одна смерть не может быть плохой, если ей предшествовала хорошая жизнь».

Сведения об авторе:
Иво Поспишил,
докт. филол. наук,
профессор
Институт славистики
Университет им. Т.Г. Масарика
Брно (Чехия)

Ivo Pospíšil
PhD
Professor
Head of the Institute of Slavic Studies
University of TG Masaryk
Brno (Czech Republic)